

Г. Любарский

Свобода выбора и патриотизм

“Патриотизм” – очень нужное и острое слово. Патриотизм нужен людям – многие считают, что человек без этого чувства не вполне порядочен. Патриотизм нужен государству – без него трудно объяснить легитимность власти и трудно создать боеспособную армию. А кроме того, патриотизм, как считают многие, весьма опасен – легко переходит в национализм, дает повод преследовать людей, не нарушающих законы.

Слово “патриотизм” соединяет вместе три разных понятия: “государство”, “страна”, “народ”. Родина и Отечество, мужской и женский род, чуть оттеняют ту или иную сторону единого целого. Большая страна, сильное государство, великий народ, прекрасный язык...

Это счастливое совпадение слов возникло не так давно. Государства современного типа появились, в общем-то, только в Новое время, веке в XV (а границы устоялись еще позже, когда на смену династическим механизмам деления территорий пришли иные); с их образованием было переосмыслено понятие “народ”. Вместо связанных кровным родством людей под этим словом стали понимать граждан одного государства – братьев по судьбе.

А до того народы жили в разных государствах, государства объединяли разные народы, страны не были столь централизованы государством. Теперь же привычно осмыслять эти вещи как нечто единое. Права или не права – моя страна... Это могло быть сказано только в Новое время, до того – просто не поняли бы. Была преданность своему роду и городу, религии и государю, князю,

любовь к местам, где родились и выросли, – все это были разные чувства к разным предметам.

Общее свойство всех этих столь разных вещей – то, что их не выбирали. Как не выбирает человек своих родителей и место рождения, не выбирает племя, в котором родится, язык, на котором произнесет свои первые слова, властителя, которому будет подчиняться. С судьбой можно спорить, можно уехать в иные места, но это удел немногих, а для большинства все корешки патриотизма были даны заранее и без выбора – так, как дается человеку природа.

В Новое время, с образованием государств, а затем – массовых обществ, сложилось новое единство этих понятий. Постепенно стало казаться, что речь идет об одной вещи – государство повелевает одной страной, в ней обитает один народ, который молится одному богу и говорит на одном языке. Множество стран были устроены иначе – но стало казаться, что это все какие-то отклонения, что в идеале все должно быть устроено именно так – монистично, понятно, просто.

Наряду с этим шел другой процесс – индивидуализация человека. Все в большей степени человек сам решал, как будет строить свою жизнь, каким делом заниматься, на ком жениться, как относиться к окружающему. И соединяемые в политической реальности страна, государство, народ стали расходиться в мыслях людей. Одним захотелось для своего народа образовать отдельное государство, другим – изменить государственный строй своего народа. Считающееся единым разошлось по швам, открыв глубокие щели.

И поскольку вещи эти оказались разными – людям пришлось между ними выбирать. Известен острый опыт: если меня спросят, с кем бы я хотел остаться – с истиной или с Христом...

Даже мыслимое неразделимым человек может мысленно разделить – чтобы четче понять, что же для него ценно. И понятие “патриотизм” сейчас испытывается: а если моя страна окажется во власти ужасного государства? А если мой народ не захочет оставаться под такой властью? Как я поступлю? Что мне дороже? Чем я не могу пожертвовать?

Но с патриотизмом и прилагать особенных усилий к разделению не надо – он сам расслаивается. Не каждый государственный – националист, не каждый националист – государственный. Есть стоящие за народ, есть – за мощную государственную машину, и рядом с ними – патриоты этой же самой страны, и тоже за народ, только другой... Между собой они смертельные враги, но сами-то себя именуют именно патриотами.

“Внутреннее противоречие между требованиями истинного патриотизма, желающего, чтобы Россия была как можно лучше, и фальшивыми притязаниями национализма, утверждающего, что она и так всех лучше, – это противоречие погубило славянофильство”¹.

Может быть, выручат слова “Родина”, “Отечество”? Может быть. В них непротиворечиво сливаются столь разные смыслы. Однако и на этот случай есть острый опыт: многие люди, приехавшие в США лет 5–10 назад, становятся настоящими патриотами этой страны. Это совершенно удивительный феномен. В России многие из этих людей не отличались

пламенностью патриотических чувств, и вот они приезжают в США – ищут где лучше – и через несколько лет уже являются искренними, убежденными, настоящими патриотами этой страны.

Добровольно и гневно защищают ее от нападок, клеветы, везде стремятся подчеркнуть ее достоинства... Оказывается, им вполне свойственны патриотические чувства, они способны испытывать гордость за свою страну – только вот не за любую, не обязательно за случайность рождения – а по выбору.

Причем можно даже заметить деталь: те, кто уехал в Европу, не отличаются такими качествами. Они могут очень хорошо относиться к новой стране проживания – но таких пламенных чувств, как Америка, Европа к себе не возбуждает. Если раскапывать причины –

окажется, дело в отношении к ним новой Родины. В Европе, говорят иммигранты, можно получить гражданство и равенство перед законом – такое же, как у коренных жителей. Но внутренне все равно будешь ощущать, что к тебе относятся вежливо, спокойно – и отчужденно. Ты чужак с местным паспортом, имеется традиция вежливого обращения с такими чужаками, все хорошо – но стенка между тобой и местными остается.

А в Америке ее нет. Люди приезжают, не зная хорошенько языка и допуская чудовищные ошибки в произношении, яростно ищут работу – разумеется, конкурируя с местными работниками. Они приезжают в поисках сладкой доли – и не встречают ни малейшей отчужденности.

Вокруг есть люди плохие и хорошие, но все относится к ним как к своим – таким же, как они сами. Люди, по тем или иным жизненным причинам бросившие свою страну

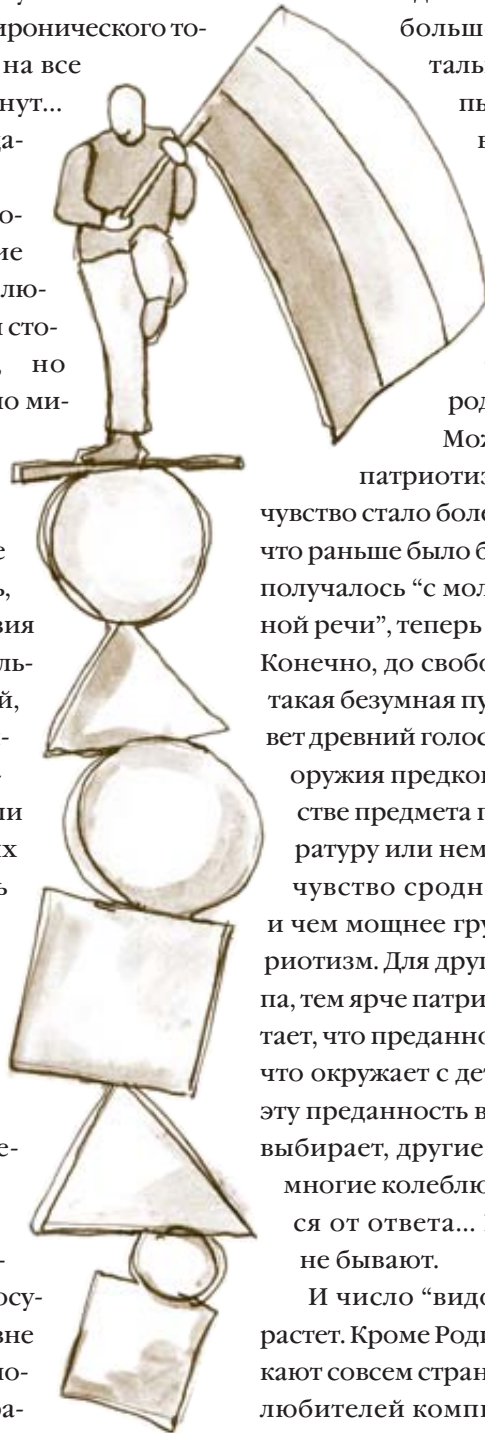
¹ Соловьев В. С. соч. в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 444.

и согласные навсегда остаться без Родины, пришельцами, чужаками, вдруг с изумлением понимают: Родина есть, их приняли, они свои.

И именно эти люди, недавние мигранты, особенно яростно защищают Америку от бывших соотечественников. Не спустят ни иронического тона, ни издевки, ни аргумента – на все ответят, припомнят, опровергнут... Они верны новой Родине и не дают ее в обиду.

Значит, дело не в неспособности испытывать патриотические чувства, а в их “объекте”? Это – любят, а это – нет. Конечно, с одной стороны, стерпится-слюбится, но с другой – не по хорошу мил, а по милу хорош. Люди выбирают себе Родину: едут в одну страну, в другую... Конечно, они ищут еще и где лучше, где удобнее, где они смогут больше зарабатывать, но и Родину тоже ищут. А условия разные. Одни страны сделали больше, чтобы их ощутили Родиной, чем другие. Европейцы не слишком заинтересованы, чтобы приезжие через 5–7 лет чувствовали себя как свои, не слишком – у них другая дорога. Они хотят сделать всю Европу общим домом – для тех, кто в ней живет. Это другой проект... А вот США делают страну Родиной для иммигрантов.

Оказывается, даже в такой области возможно что-то изменить, управлять течением событий, выбирать. Европа строит новый уровень интеграции, “общее гнездо” для целой группы государств, а США работают на уровне индивидов. Это огромные идеологические проекты, которые затрагивают и сферу человеческих чувств. Появляется совсем новая реальность – патриотизм по свободному выбору, когда человек отдает свою преданность сознательным решением.

Патриотизм стал предметом свободного выбора. Это уже не врожденное чувство. Прежде патриотизм можно было уподобить морали: при нарушении морали – голос совести... При отъезде – муки ностальгии... Однако все больше людей не испытывают ностальгии (возможно, многие не испытывают и мук совести – с этим вопросом пока не все ясно). Человек может выбрать себе страну. Может участвовать в выборах органов государства, которое правит этой страной, и может – до некоторой степени – выбирать народ, к которому себя относит.

Может быть, в современном мире патриотизму нет места? Или просто это чувство стало более осознанным и взрослым? То, что раньше было беспроblemным, естественным, получалось “с молоком матери” и “звуками родной речи”, теперь подлежит свободному выбору. Конечно, до свободы дорастают не все – оттого такая безумная путаница. Для кого-то в слове ревет древний голос крови, кому-то дороги победы оружия предков, а иные уже выбирают в качестве предмета патриотизма английскую литературу или немецкую музыку. Для кого-то это чувство сродни принадлежности к группе, и чем мощнее группа “своих”, тем сильнее патриотизм. Для других наоборот: чем слабее группа, тем ярче патриотические чувства. Кто-то считает, что преданность естественно питать к тому, что окружает с детства. А иные – что к тому, что эту преданность в душе вызывает. Кто-то еще не выбирает, другие выбирают наспех и вслепую, многие колеблются в выборе и воздерживаются от ответа... Взрослые чувства простыми не бывают.

И число “видов патриотизма” неудержимо растет. Кроме Родины, государства, нации возникают совсем странные “патриотизмы” – братства любителей компьютерных игр, литературных произведений, адептов новых религий... Когда позволено выбирать, никто уже не сможет ограничить пространство выбора. Если человек решил считать себя эльфом или гоблином и выби-

Согласно одной точке зрения, за последние 10 лет чувство патриотизма у россиян существенно ослабло. Согласно другой, чувство патриотизма не претерпело изменений. С каким мнением Вы склонны согласиться?

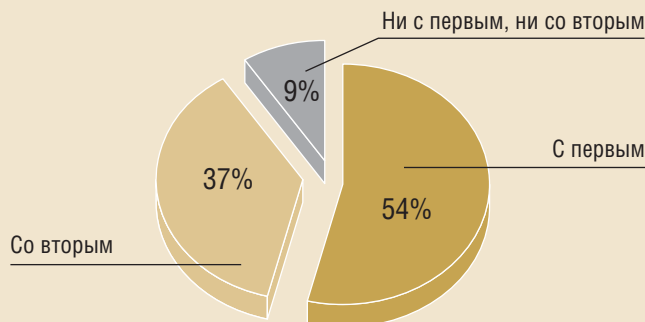

График 1*

* Телефонные интервью с представителями региональных властных, интеллектуальных и медиаэлит 25–27 июля 2000 года. 100 экспертов.

Одни считают, что патриот должен любить и Родину, и государство, власть своей страны. Другие думают, что патриот может любить только Родину, а государство, власть своей страны любить не обязан. С какой точкой зрения – первой или второй – Вы скорее согласны?

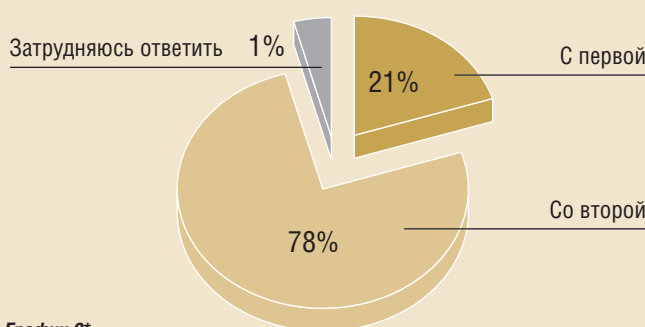

График 2*

* Тот же опрос.

рает не страну, а культурный пласт – значит таков его выбор.

О вкусах не только спорят – за них убивают. Сталкиваются на одной небольшой площадке два человека: государственник, коммунист, мусульманин – и ярый противник православной церкви, старообрядец, сторонник преобразования России в федеративную общность государств; или: убежденный поклонник американской политики, не собирающийся никуда уезжать, – и противник христианства, язычник или даже зооастрит. Все – патриоты. Разумеется, стоит сплошной ор: “Ты не настоящий патриот!” Но на-

стоящих больше нет – нет возможности быть патриотом без выбора, по стечению вещей внешних, можно только выбрать и отвечать за свой выбор. Даже если его не сделал. Отказ от выбора – это тоже такая позиция, за которую отвечают.

Поэтому сейчас патриотов мало. Не потому, что меньше, – потому что не всех пускают. Один патриот не согласен признавать патриотом другого – ну как можно этого коммуняку-интернационалиста пустить в патриоты? Невыносимо! А этот, либерал, не говоря худого слова?.. А этот вообще... Может ли гомосексуалист быть патриотом? Ну что за вопрос – безумие просто. За такое сразу... И поэтому большинство граждан России думают, что патриотов мало, меньше, чем было, и становится все меньше. Потому что поле выбора растет. Чем больше патриотов – тем их кажется меньше, потому что поле становится все шире. Очень неприятная мысль...

Когда в населении страны, допустим, 80% патриоты, и 20% какие-то вялые, в этом отношении бесчувственные – все понятно: нас большинство, а их... Но когда те же 80% исповедуют тысячу видов патриотизма, когда среди них и те, кто любит Родину за язык, за культуру, за религию, за историю, за будущее, за свою возможность участвовать в этом будущем и др., процент тех, кого данный человек считает настоящими патриотами, неудержимо падает – хотя людей, считающих, что у них есть патриотические чувства, все равно 80%. Поскольку одни других ни в коем случае не согласны считать настоящими патриотами, каждый чувствует себя уменьшившимся, одиноким, окруженным недоброжелателями, и ощетиливается, занимает оборонительную позицию.

Тут в битву за патриотизм вмешиваются огромные социальные образования – и прежде всего государство. Для него это внутреннее и деликатное чувство: хлеб, если голоден, у другого из зубов вырвешь. Государство живет возможностью мобилизации подданных (граждан). Может оно их призвать в армию – живо государство, не может... Ну и во многих других случаях, даже и без войны – очень важное качество. Надо всех на выборы? Придут все на выборы. Надо дать отпор проидам врагов? Будет отпор. И самое простое: нужна стабильность общества

Половине участников **массового опроса** (49%), проведенного в августе 2000 года (см. *график 3*), государство представляется чуждой (в лучшем случае), а то и враждебной силой. Первой установкой (патриот должен любить и государство) чаще придерживаются низкоресурсные респонденты – пожилые и малообразованные. Образованные, состоятельные и жители мегаполисов чаще считают себя свободными от этой обязанности.

Участники **фокус-групп**, проведенных тогда же, обосновывают мнение, что гражданин не обязан любить государство, следующим образом:

“Государство для меня – это монстр, который борется с народом”.

“Выбираешь людей, а потом бывает стыдно, когда их показывают по ТВ”.

“Государство не выполняет своих функций.

Милиция нас не защищает, в собесе всего нужно добиваться, рождаемость падает, а поддержки детям от государства никакой”.

Эксперты как представители группы, обладающей социальными ресурсами, отвечая на аналогичный вопрос, также чаще заявляли, что патриот не обязан любить государство, власть своей страны (78%). Противоположной точки зрения придерживаются только пятая часть из их числа (21%). Один из опрошенных экспертов так сформулировал свою позицию:

“Патриот должен любить Родину, а власть существует для того, чтобы любить гражданина. Любить власть патриот не обязан”.

Большинство экспертов не согласны с мнением, что россияне сейчас меньшие патриоты, чем до начала либеральных реформ.

“Либеральные ценности предполагают, что человек берет ответственность на себя, а это означает, что он начинает понимать, что без этой страны он не сможет прожить”. Более того, “сейчас некоторые люди стали большими патриотами, чем были”.

Опрошенные эксперты убеждены, что не либерализм, а социальная политика государства, оставляющего без защиты своих граждан, – причина того, что россияне, оставаясь патриотами страны, плохо относятся к государству.

“Есть сколько угодно стран с либеральными ценностями, но патриотизм там на высоком уровне”.

Если сама власть демонстрирует отсутствие патриотизма, то в этом случае любовь к ней – непатриотично.

“Здесь приходится не гордиться, а болезненно переживать”.

Высказывается мнение, что стыд, недовольство, страх перед властями переносятся на страну в целом, поскольку жить в стране, где правит чиновничий произвол, становится невозможным. И здесь кроется причина того, что, оставаясь патриотами, то есть продолжая любить свою землю, социально активные люди покидают Родину.

И. Климов, С. Климова

Одни считают, что патриот должен любить и Родину, и государство, власть своей страны. Другие думают, что патриот может любить только Родину, а государство, власть своей страны любить не обязан. С какой точкой зрения – первой или второй – Вы скорее согласны?

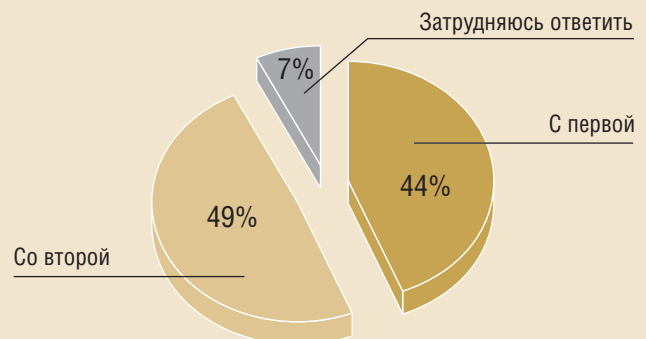

График 3*

* Общероссийский опрос населения от 28–29 августа 2000 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов)

и подчиненность законам – будет... И потому социальные институты – активнейшие игроки на широком поле борьбы за патриотизм. Отдельные люди выбирают в меру совести и роста, а вокруг – отлаженные методы охоты за предан-

ностью. От повесток и судов – до кампаний в медиа. Государству, конечно, лучше бы живой, настоящий, неказенный патриотизм... Или не лучше? В общем, оно съест любой – потому что очень надо...

Патриотизм – как раз такая любовь, которую не покупают, ее можно только подарить. Разумеется, как всегда в таких случаях, есть люди, изборающие патриотизм, и даже те, кто умудряется получать за патриотичность деньги. Как и в других случаях платной любви, с этим все понятно, и сказанного достаточно.

Вслед за государством торопятся другие игроки. Требуют нерассуждающей преданности, вовлеченности, чувства локтя, за что обещают: “Ты будешь своим!” Оттого неразбериха только нарастает. Ну как можно равнять патриота, который таков только в силу требования его религии покорствовать государству, – и убежденного государственника? Правда, вот беда: государственники меж собой о форме этого государства договориться не могут, а люди религиозные пока не определились, какая религия в смысле патриотизма более правильная. Тут такие слова говорят, что некоторые вон даже в эльфы подались.

Уже есть двойное гражданство.

И не случайно: дай только человеку свободу – такое начнется... Разумеется, возникает двойной и вообще “множественный” патриотизм. Это не шутка и не издевательство – это самая настоящая реальность. Человек живет 20 лет в США, и он настоящий патриот этой

страны, а еще он патриот своей “малой родины” – в ничуть не меньшей степени, чем его одноклассник, так и оставшийся в Салехарде. И наоборот. “Малая родина” может быть у человека не одна, и “большая Родина” – тоже. Не часто, но бывает. Так что патриотизм может быть выбран, и люди выбирают – и ту территорию, которой они будут преданы, и тот язык, которому верны.

У преданных – не без предательства. Раз это не постоянно, не у всех зашито намертво и навсегда, раз можно выбрать – значит, будут перемены мнения, предательства, столкновения одного долга с другим, одной любви – с другой. А как же иначе? То, что мы делаем сознательно, подвержено ошибкам. Отсюда и ответственность. Что там вме-

нит судья на процессе – это одно, а вот как с собой будешь разговаривать через 15 лет, если доживешь. Совесть иногда и не прощает.

Этот выбор происходит повсеместно и прямо сейчас: как правильно следует думать и чувствовать? Единственное, что тут можно сказать: патриотизм относится к числу человеческих чувств. Значит, быть человеком – первое, чем быть патриотом. Значит, есть какой-никакой критерий: если что-то в данном виде патриотизма не способствует росту человека – это в чем-то неправильный патриотизм. Или иначе: “степень” патриотизма определяется тем, что можно отдать другим людям, чем им можно помочь. Если на “рынке патриотизмов” один выкладывает на стол православную веру, другой – Серебряный век русской культуры, третий – гоблинские переводы, и следующий – права человека... Значит, таков выбор. Это – то, что данные патриотизмы могут предложить. Это их средства помочь людям. И каждый выбирает – что ему кажется самым нужным.

Множественное число от слова “патриотизм” Winword подчеркивает как неправильное. Это входит новая реальность – еще не вполне осознанная, не закрепленная в языке, не принимаемая

многими людьми, обруганная нехорошими словами. Однако время детских чувств прошло. Мы выросли – даже если очень не хочется это сознавать. И патриотизм, ничего не теряя в своей горячности, искренности и глубине, стал делом свободного выбора. И тот, кто говорит: права или не права – моя страна, должен вкладывать в это новый смысл. Тут уже не сошлешься на то, что здесь родился, что никто не спрашивал, что так получилось, что ничего не остается... Теперь эта приговорка выворачивается приговором: ты выбрал эту страну, ты выбрал то, какой она является, и ты в ответе за свой выбор. Если считаешь ее правой – это твоя страна. Если нет – смотри, чему ты отдал свою преданность. ■

